

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОТВЛЕЧЁННОЙ ЛЕКСИКИ
В СОВРЕМЕННЫХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Е. А. Игушев

Отвлечённая лексика в период функционирования финно-угорского праязыка только начала развиваться. Об этом свидетельствует тот факт, что названия имен числительных в современных финно-угорских языках обнаруживают сходство только в пределах от одного до шести. После шести эти номинации представлены в отдельных ветвях родственных языков лексемами, не восходящими к общему праязыковому источнику [ОФУЯ: 282].

Становление понятий, обозначающих наименования отрезков времени суток: *день, ночь, утро, вечер* и других, состоялось в отдельных группах финно-угорских языков также после распада единого праязыка.

Наименования абстрактных понятий в современных языках-наследниках некогда единого праязыка восходят к лексемам с конкретной семантикой.

В ряде финно-угорских языков понятия день и солнце обозначаются одним и тем же словом. Так, по-венгерски *nap*, по-мансийски *х̄otal*, по-хантыйски *х̄átal*, по-эрзя-мордовски – *чи*, по-мокша-мордовски – *ши*, по-марийски – *кече* – эти слова одновременно обозначают как день, так и солнце.

В мордовских (эрзянском – слово «чи», мокшанском – слово «ши») и марийском слово «кече» восходит к одному источнику – лексической единице со значением «круг», поскольку солнце представляет собой форму круга. Волжско-финские народы словом с семантикой «круг» назвали солнце, а затем и время суток, когда это светило появляется на небе, то есть день.

Венгерское слово **nap** указывает на древнее родство венгерского языка с языками ханты и манси. В этимологическом словаре венгерского языка слово **nap** сравнивают с хантыйским **nai** 'огонь', мансийским **nāi** 'огонь, солнце' [METSz].

В данном случае очевиден переход древнего значения 'огонь' в значение 'солнце'. Подобным же образом и в финском языке лексема **aurinko** 'солнце' восходит к древнему финно-угорскому слову со значением 'огонь'. Сравните созвучные ему слова в современных родственных языках: саамское **avr** 'пламя', коми **ымравны** 'пышать жаром', удмуртское **омыр** 'тёплый воздух' [SKES].

На коми языке понятие *солнце* звучит как **шонді**, а на удмуртском – **шунды** [КЭСК]. Оба эти слова соотносятся с именами прилагательными (к. **шоньд**, удм. **шуньт** 'тёплый' и с глаголами со значением 'греть': по-коми – **шонтыны**, а по-удмуртски – **шунтыны**).

В «Уральском этимологическом словаре» К. Редэи [UEW. Budapest. 1986-889] хант. **хатль**, манс. **х̄оталь** 'солнце' возводятся к фин. **koittua** 'светать', венг. **hajnal** 'заря', нен. **hājer** 'солнце'. С ними созвучны современные хантыйское **х̄у́nt'**, мансийское **khuj** 'заря' [UEW, 2: 167].

Таким образом, и хантыйское, и мансийское обозначение солнца связано с наименованием зари – отсвета солнца на краю неба.

Понятие *вчера* обозначается в мансийском словом **м̄олх̄отал** – досл. **м̄ол** 'раньше', **х̄отал** день, т. е. раньше (до сегодня) состоявшийся день, в хантыйском – созвучным словом **мулхатл** – *вчера* < *мулха* (раньше, недавно) – день, который был раньше, до наступления сегодня.

Такое же обозначение мы видим и в родственном венгерском **tegnap**, где *tege* – предыдущий, а *nap* – день; (сравните: фин. *taka* – задний), досл. 'задний день' (прошедший).

В финском для обозначения понятия вчера эквивалентом угорским словам выступает **eilen**, этимологически возводимое к **öylen** < **yölinen**, досл. 'ночной', т. е. тот день, который завершился прошлой ночью.

В пермских языках для обозначения понятия *вчера* используют понятия день или вечер с употреблением в качестве определения к ним указательного местоимения со значением *тот*: удм. толон < то 'тот'+ лон 'день', букв. день (который уже прошёл), к. төрыт < тө 'тот'+ 'рыт' вечер, букв. вечер, который уже завершился.

Для обозначения понятия *завтра* используются созвучные корни слов. Сравните: мансийское **холыт**, хантыйское **халэвт**, венгерское **holnap**, в которых компоненты **холл**, **хал** являются наследием уральского происхождения и обозначают утро. Сравните: манс. **kol**, хант. **koltex**, камасинское **koredon**, селькупское **karre** 'утро' [MTESz].

В венгерском **holnap** отчётливо выделяются два компонента: **hol** 'утро' и **nap** 'день', т. е. день, который наступит в следующее утро.

В пермских языках для обозначения понятия *завтра* употребляют слово коми – **аски**, удмуртское – **аскы**, возводимое к **асыв** 'утро', где **ас-** иранское заимствование со значением 'высокий'. Это слово первоначально обозначало Уральские горы, находящиеся к востоку от места обитания прапермян: коми и удмуртов. Компонент **-ки** – древний финно-угорский лативный **k-**овый суффикс, который отвечал на вопрос «куда?». Слово **аски** обозначало «утром, дословно: в утро» [КЭСК].

Финское **huomenna** 'завтра' восходит к слову **huoma** со значением: хранить, попечительствовать, держать в поле зрения, пробуждать, оживлять. Древние финны уповали на то, что грядущий день будет для них благополучным, что Бог сохранит их от несчастий.

В большинстве финно-угорских языков при обозначении понятия *сегодня* пользуются конструкцией, представляющей подчинительное словосочетание «этот день». Сравните: фин. **tänään**, которое представляет собой сращение двух самостоятельных слов: **tämä** 'этот' и **päivä** 'день', а **tänä päivä-nä** 'в этот день', хантыйское **тамхатл** < **там** + **хатл** 'этот день', мансийское **тыхотал** < **ты** + **хотал** 'этот день'; коми **талун**, где **та** – этот, **лун** – день, удмуртское **туннэ** (дословно: та нуналэ) – в этот день, мордовское **тячи** – этот день: **тя** – этот, **чи** – день; марийское **таче** < **та** + **кече** 'этот день' [SKES].

Но венгерское **ma** 'сегодня' образовано иначе. В его формировании участвовали местоимения **más**, **majd** со значением *затем*, *другой*, и наречие **most** со значением *теперь*. Они придали слову **ma** современную семантику *сегодня* [MTESz].

Слово со значением *вечер* также восходит к конкретным обозначениям действия. Так, финское **ilta** 'вечер' первоначально обозначало понятие 'поздний', сравните диалектное эстонское **ildane** 'поздний'.

В венгерском языке **este** 'вечер' является производным от глагола **esik** 'падать', т. е. вечер – это когда солнце опускается за горизонт, по представлениям древних венгров таким образом завершается день. Венгерское **este** созвучно словам со значением *завершиться*, *закончиться* в родственных финно-угорских языках: коми **эштыны**, марийскому **ышташ**, финскому **ehitiä**, мансийскому **әстлаңкве**, саамскому **asitat**.

Обозначение *вечера* в обско-угорских языках является производным от слова, обозначающего понятие 'ночь'. Данная реалья обозначает время, предшествующее ночи. Сравните: манс. итипала досл. 'в ночную сторону', хант. етн досл. 'к ночи'.

Реалья *ночь* звучит одинаково на всех финно-угорских языках и имеет праязыковую форму ***eje**: венг. **éj** < **észak** 'север', манс. **īj**, хант. **iәi**, фин. **yö**, удм. **uj**, коми **voj**, морд. **vet'**, саам. **iggja**. Понятие *ночь* связано с понятием *север* в родственных финно-угорских языках. В них север традиционно называется ночной стороной. Но в прибалтийско-финских языках север ассоциируется с понятием 'дно'. Сравните: фин. **pohjola** (досл. на дне), эст. **põhja** 'дно'. Дно представляется как статическое понятие (дно ямы, где всегда холодно), а антони-

мом ему выступает направление движения вперёд, в ту сторону, где тепло: фин. *etelä* ‘юг’. Сравните: эст. *eel*, венг. *elöl*, манс. *ēl*, хант. *il* ‘впереди’ [ОФУЯ: 421].

Реалии с абстрактным значением *любить*, *душевная красота*, *чёрствость* и другие также восходят к словам с конкретной семантикой. Сравните, любить: по-фински *rakastaa*, по-хантыйски *gǎxti* ‘быть подходящим’, по-мансийски *gosnut*, *gōsun̄kwe* ‘быть близким к дичи во время охоты’, венг. *gokon* ‘родственник’. Все эти слова объединяет сема ‘близость во взглядах, в отношении друг к другу, стремление находиться рядом с данным объектом внимания’. Отсюда возникает сема ‘взаимная симпатия, притягательность, выделение объекта из числа других’.

Понятие *красивый* в мансийском языке выражается словом **нётнэ**, представляющим собой форму причастия настоящего времени от глагола **нётуцкве** ‘помогать’, а понятие *некрасивый* – формой отрицательного причастия **нётгәл** с семантикой ‘не помогающий’.

Здесь нравственные принципы в мансийском традиционном сознании берут верх над эстетическими. Человек, оказывающий помощь другому, красив душой, хотя привлекательной внешностью может и не отличаться. Наоборот, по представлениям древних манси, человек, не помогающий другому, душевно ущербен, поэтому не может быть красив, невзирая на то, что черты его лица, возможно, имеют вполне правильные формы. Отвлечённая лексика в современных финно-угорских языках выработалась после распада единого праязыка. Об этом свидетельствуют данные отдельных языков, в которых понятия **день**, **ночь**, **утро**, **вечер**, **любить** и другие выражаются словами, не восходящими к единому праязыку.

В венгерском языке понятие *красивый* выражается именем прилагательным **szép**, которое авторы этимологического словаря венгерского языка сравнивают с финским именем **seppä** ‘кузнец’, саамским **сөөрре** ‘умный’, хантыйским **tus** ‘мастер и красивый’.

Человек умный, ловкий, способный искусно делать полезные для повседневной жизни вещи, по представлениям древних венгров, несомненно же, красив душой, следовательно, и телом.

Общеизвестно, что фамилии на Руси возникли относительно поздно, лишь в XVIII веке, во времена царя Петра Первого. По-хантыйски фамилия звучит как **опрась нэм**, буквально: ‘имя прадеда’, по-мансийски созвучно и однозначно ему: **ōпарись нам**. В то же время в мансийском языке для обозначения фамилии существует вариантное имя **пōт нам** [МРС: 344], дословно ‘ясачное имя’, где **пōт** – ясак (от коми заимствования **вот** – налог, восходящего к глаголу *вотны* ‘собирать ягоды’, отсюда и коми *вотос* ‘ягода, досл. то, что собирается’), т. е. царские сборщики налогов давали имена для главы семьи, который должен был ежегодно выплачивать налог в казну царя.

Понятие *год* в финно-угорских языках обозначается по-разному: по-фински – **vuosi** < *vuota*, по-удмуртски – **wa**, по-коми – **wo**, венгерский компонент **-valy**: встречается в композите с временной семантикой **tavalý** ‘в прошлом году’, по-хантыйски – **ol**, в ваховском диалекте – **tapal**, где **ta** – указательное местоимение.

Венгерское **év** ‘год’ сопоставляется с фин. **ikä** ‘возраст’, мар. **ий**, эрзя-морд. **ийе** со значением ‘год’. Но в мокша-мордовском языке понятие год называют словом **киза** [Поляков: 186], которое одновременно обозначает и год, и лето. Сравните это наименование с близкородственным финским словом **kesä** ‘лето’. Очевидно, по представлениям мокша-мордвы, новый год приходил летом.

Понятие *зима*: по-хантыйски – **тал**, по-мансийски – **тәл**. Эти слова восходят к финно-угорской праформе ***talwe-**. Эти же слова обозначают упомянутых языках понятие ‘год’ – **тал** (по-хантыйски), **тәл** (по-мансийски). С приходом зимы (по представлениям обских угров) заканчивался для традиционных охотников и рыболовов годичный цикл.

У пермских народов понятие ‘год’ выражается словом **ар**. Сравните: удмуртское **арес**, коми **арōс** ‘года (о возрасте)’. Им созвучны мансийское **āārem** ‘время’, ненецкое **qōbræ**,

селькупское **ara** 'осень'. Значение 'осень' у слов **ara** и **ar** в самодийских и пермских языках, очевидно, выработалось уже позднее под влиянием того факта, что летоисчисление до XVIII в. в России велось с 1 сентября, т. е. новый год там начинался осенью.

Как видно из приведённых примеров, многие реалии, обозначающие отвлечённые понятия, появились в современных финно-угорских языках после распада праязыка, но все они восходят к лексемам с конкретным значением. В то же время некоторые из абстрактных наименований, как *завтра*, *вчера* и другие, восходят к словам с отвлечённой семантикой *день*, *вечер*, *ночь*, обозначающим определённые периоды суток, а слова *год*, *возраст* – к наименованиям времён года: *зима*, *лето*, *осень*. Причём, по представлениям отдельных финно-угорских народов, новый год наступал не везде в одно и то же время (от лета и осени – до зимы). Следовательно, возникновение наименований *год* и *Новый год* имеет ещё более позднее происхождение.

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ

венг. – венгерский;
к. – коми;
манс. – мансийский;
морд. – мордовские (мокшанский и эрзянский);
нен. – ненецкий;
саам. – саамский;
удм. – удмуртский;
фин. – финский;
эст. – эстонский.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

1. КЭСК – Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М. : Наука, 1970. – 430 с.
2. МРС – Ромбандеева Е. И. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский : пособ. для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. – Л. : Просвещение, 1892. – 360 с.
3. ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / под ред. док-в филол. наук В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Кароя Редеи. – М. : Наука, 1974. – Ч. 1. – 484 с.
4. Поляков О. Е. Учимся говорить по-мокшански. – Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1995. – 200 с.
5. Valmet A. Eesti keele õpik / A. Valmet, E. Uuspõld, E. Turu. – Tallinn : Valgus. 1981. – 504 s.
6. MTESz – A magyar nyelv történeti - etimológiai szótára. Benko Lornd. Akadémiai kiadó. – Budapest, 1995. – 1210 old.
7. Munkácsi - Kálmán. Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Akadémiai kiadó. – Budapest, 1986. – 950 old.
8. SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Erkki Itkonen, Aulis Joki. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1983. – 1988 s.
9. UEW – Károly Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Akadémiai kiadó. – Budapest, 1988. – 593 s.
10. WW – Wogulische Texte mit einem Glossar. Gesammelt und bearbeitet von Béla Kálmán. Akadémiai kiadó. – Budapest, 1976. – 354 s.